

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал



12

2015

Молодой учёный

№ 12 (92)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Афанасьева А. И.

Ограничение ответственности провайдера за нарушение в сети Интернет авторских и смежных прав 579

Байкенжина К. А.

Features of violence 581

Волкова Е. А., Барашян Л. Р.

К вопросу определения вины в гражданском праве 583

Восколович Ю. А.

Хронология изменений законодательства в части уклонения от уплаты таможенных платежей 586

Вьюнов В. Н., Филиппова М. Г., Бочкова Т. В.,

Егошин Е. Е., Смутина В. В., Коломин А. А.
Противоречия и перспективы Евразийского экономического союза 588

Галкин А. Ю.

Закрепление прав на отдельные результаты интеллектуальной деятельности по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ 592

Ефимов Н. В.

«Объединив усилия, мы сможем добиться большего», или Мониторинг крылем основных акторов межсубъектного взаимодействия 596

Канайкина Т. А.

Переговоры как способ разрешения юридического конфликта 604

Локатунина А. В.

Судебная реформа спустя год 605

Овчинников О. М.

Ювенальная пенитенциарная преступность: современное состояние и перспективы ее оперативно-розыскного преодоления.....

Оспищев А. А.

Анализ деятельности субъектов реализации государственной программы «Информационное общество 2011–2020» (на примере деятельности ОАО «Ростелеком», г. Находка, Приморский край).....

Побережец В. А.

Конституционно-правовой статус народа ...

Подлиннова А. Г.

Выявление проблем в рамках инновационного аспекта экономики Калининградской области и направления их решения 608

Прохоренко Л. Я.

Теоретико-правовые основы муниципального заказа.....

Прохоренко Л. Я.

Правовые основы размещения муниципального заказа в Российской Федерации.....

Прохоренко Л. Я.

Принципы размещения муниципального заказа.....

Римская В. Г.

Особый статус государственного (муниципального) служащего на современном этапе функционирования института государственных служащих 612

Савицкий О. Г.

Программно-целевой подход к развитию санаторно-курортного и туристского комплексов Краснодарского края. Состояние и проблемы бальнеологических курортов 615

Смолова Е. С.

Проблема сопоставления требований об уплате налога, направляемых в результате подачи уточненной налоговой декларации, в свете положений п. 50 Постановления Пленума ВАС от 30.07.2013 № 57 636

Смычков М. Р.

Влияние практики Европейского суда на рассмотрение и разрешение дел судами общей юрисдикции 642

Смычков М. Р.

Эффективность применения решений Экономического суда СНГ на территории Российской Федерации 644

Тверской И. А.

Зарождение административной юрисдикции таможенных органов России 646

Щербак Е. А.

Фактор конкурентоспособности как обязательная составляющая стратегии развития малого предпринимательства 657

ИСТОРИЯ

Гасанов Э. Л.

Erbe der Mirsä Schäfy Waseh als historisch-ethnographische quelle 660

Имашева М. М., Нуруллаев Р. Р.

Институт судебных исполнителей СССР в 1960–70-е гг. 663

Колкунова А. В.

Развитие здравоохранения в Западной Сибири в конце XIX — начале XX века 665

Коробейников И. Н.

Перспективы поиска памятников культуры вары-хадыта 667

Проскуракова М. А.

К вопросу о крестьянском протесте в Восточной Сибири в 1918–1929 гг. 669

Сабитов Ж. М.

Маджма ал-ансаб вал-ашджар как источник по истории Казахстана 672

Сабитов Ж. М.

О происхождении Урус-хана 673

Сабитов Ж. М.

Переселение кочевых племен в Дешти Кыпчак в первой половине XI века 681

Синегубов С. Н., Филиппов А. А.

Создание Государственной Думы Российской империи как законодательного органа в 1905 году: закономерность или случайность 683

К вопросу о крестьянском протесте в Восточной Сибири в 1918–1929 гг.

Проскуракова Мария Анатольевна, студент
Иркутский государственный университет

понимания возникновения крестьянского протеста важно разобраться в определении данного явления. Под социальным протестом понимают относительно открытую реакцию на общественную ситуацию: протест в поддержку, но обычно против неё. В зависимости от отношения со стороны власти и политического режима протесты бывают санкционированные и несанкционированные. Крайняя форма социального протеста может перейти в революцию [1]. Протест, направленный против социального неравенства, проблем, существующих в обществе, как правило, экономического толка, зачастую переходит в политическую форму.

К методам борьбы за свои права можно выделить пассивный и активный виды крестьянского протеста (социального протеста деревни).

Пассивный вид протеста может выражаться в невыплате налогов (продразверстки), неявке на призывной сбор согласно мобилизации, уменьшению пахотных земель, а также, соответственно, сбора зерновых, неявке на выборы и др.

Активной формой активного вида крестьянского протеста является организация крестьянских союзов, собраний. На данных мероприятиях мирного характера решаются вопросы, которые волновали крестьян. Соборы имеют демократический характер, вопросы на нем решаются легально.

В Тихоновской волости Балаганского уезда Иркутской области в октябре 1920 г. было организовано Собрание крестьян, которое отстранило от власти представителей помещиков. Крестьяне на собрании обсуждали самые острые вопросы: непосильную продразверстку, мобилизацию, неравные выборы и др. Более того, документы свидетельствуют о том, что крестьяне были готовы пойти на переговоры с представителями советской власти в случае уступки им в вопросах разверстки, мобилизации, увеличения демократических прав [2].

Когда крестьяне, чьи требования не были удовлетворены, перешли к активному протесту — повстанческому движению. Повстанческие отряды, костяк которых составляли организаторы крестьянских собраний, стали бороться с советской властью партизанскими методами: захватывали деревни, волости и небольшие города, грабили учреждения, активно боролись с отрядами Красной армии, ЧОНа, милиции и т. п. Другой стороной формы протеста является поддержка крестьянами повстанцев материально, физически и морально — это определяло продолжительность действия повстанческого движения.

Отмена продразверстки, мобилизации, введение экономической политики, активная борьба совет-

ских органов правопорядка, элементарная усталость крестьян от постоянной борьбы — все это уменьшило активный крестьянский протест, но сделало его выносливее. Повстанчество перешло в новую форму социального протеста — бандитского движения. Данное явление — довольно спорный вопрос, требующий целенаправленного изучения, но такие факты как поддержка бандитизма крестьянами до середины 1920-х гг., политические лозунги бандитизма и борьба с представителями советской власти практически не оставляют сомнений в том, что бандитизм до определенного момента являлся одной из крайних форм крестьянского протеста.

Социальный протест сибирской деревни против советской власти начался еще в 1918 г., с началом Гражданской войны, которая выявила все острые проблемы России, в частности, крестьянский вопрос. Именно поддержка крестьян определяла в период гражданской войны доминирование той или иной политической силы. В это время, кроме постоянных военных формирований Белой и Красной армий, появляются крестьянские военные формирования, которые условно можно разделить на партизанские и повстанческие (которые также действовали партизанскими методами борьбы). Первые при этом тяготели к большевикам, причем среди них были и те, кто поддерживал партии эсеров, анархистов и др. Они активно боролись с белыми армиями, так в Сибири именно благодаря партизанам удалось свергнуть власть А. В. Колчака. Вторые тяготели к белому движению и боролись с Советской властью. Условное деление крестьянского протеста на партизанский и повстанческий можно проиллюстрировать конкретным примером. При расследовании колчаковской милицией захвата повстанцами г. Кустанай 5 апреля 1919 г. выяснилось участие в восстании зажиточных крестьян, которые выступали с требованием прекратить насилие властей над крестьянами и обещали бороться против любого насилия — и красного и белого. Крестьяне Тихоновской волости Балаганского уезда организовавшие Общее собрание граждан в селе Тальяны в 1920 г. также говорили о необходимости борьбы с Колчаком, Деникиным и другими врагами Советской России [4]. При этом они же оставили в организованном повстанческом штабе некоторых колчаковских офицеров, то есть крестьяне рассматривали советскую власть как демократическую, защищающую права крестьян, а не диктатуру пролетариата (а в действительности — партии).

После победы над белогвардейцами и усиления власти большевиков одни партизаны перестают их поддерживать, а другие переходят в лагерь повстанцев. Интересен тот факт, что после уничтожения основных белогвардейских

формирований в 1920 г. начинается массовый крестьянский протест против Советской власти — повстанчество.

Термин «повстанец» используется в основном в современной историографии и имеет одно значение — «участник восстания, мятежник» [5]. В историографии гражданской войны рассматривается термин «зеленое повстанчество» [6], своеобразная третья сила. Повстанцы действовали партизанскими методами борьбы, которые были эффективны в условиях слабой правоохранительной базы Советской власти. Но после окончания гражданской войны и усиления власти Советов большинство повстанческих отрядов осознают бесперспективность дальнейшей борьбы. Остаются и те, кто продолжает борьбу с большевиками, с коммунизмом. Такое повстанческое движение уже принимает уголовную форму, может называться по праву бандитизмом. Понятие «бандитизм» характеризуется в словарях как «вид преступной деятельности, заключающийся в создании вооруженных банд и нападениях с целью грабежа» [7]. Однако цели у повстанцев и бандитов были разные. Повстанцы выдвигали политические требования, боролись с представителями советской власти. В свою очередь, бандитизм характеризуется частыми грабежами, убийствами как представителей партии, власти, так и мирного населения. В 1920-е гг. термином «бандитизм» обозначались попытки вооруженным путем противодействовать политике большевистского руководства. Термин «бандитские мятежи» употреблялся для названия крестьянских восстаний 1918—1922 гг. Понятие «бандитизм» нашло отражение в первом советском Уголовном кодексе (от 26 мая 1922 г.). Начиная с 1924 г., в документах ОГПУ стали применяться выражения «политический бандитизм» и «уголовный бандитизм». 29 января 1924 г. председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский адресовал в Политбюро ЦК РКП (б) письмо, в котором отмечал развитие «как уголовного, так и политического бандитизма» [8].

Согласно изученным нами источникам, переход повстанчества в бандитизм произошел в 1923 г. Л. И. Боженко полагает, что в 1923 г. в Сибири произошел перелом не только в хозяйственной, но и политической области. Общая обстановка в сибирской деревне несомненно улучшилась...» [9] Кроме того, он же утверждает, что не следует подменять термины «кулацкий мятеж» терминами «бандитское движение», «бандитизм», «политический бандитизм». Бандитизм, по мнению Л. И. Боженко, только форма, в которую облекались контрреволюционные выступления (т. е. крестьянский протест советской власти) [10].

Данное высказывание вполне объективно, если учесть, что сопротивление постоянных военных формирований Красной и Белой армий закончилось, т. е. гражданская война уже подошла к концу. Повстанческое движение в это время также значительно уменьшается, но не исчезает полностью. Оно переходит в новую форму крестьянского протеста — бандитское движение, чему есть вполне логичные объяснения.

Первой причиной является невозможность дальнейшего политического сопротивления повстанческого движения Советской власти в силу относительной нормализации политической и экономической жизни губернии и страны в целом.

Из первой причины вытекает следующая — население после 1923 г. практически перестало поддерживать повстанцев и уже рассматривало их не как защитников своих интересов, а как грабителей. Несмотря на это, полное прекращение помощи от населения бандитам произошло лишь в середине 1920-х гг.

Следующей причиной является эффективная работа органов государственной и внутренней безопасности: ЧК, ЧОН, губернской милиции, губернских троек и пятерок.

Кроме того, несмотря на то, что власть пыталась идти навстречу некоторым повстанцам (например, проводила амнистии, уменьшала сроки заключения и т. п.), по отношению к главам отрядов она была настроена критически. Эти действия власти являются логичными, но они не оценивают возможности лидеров отрядов, сумевших после 1923 г. вобрать в себя криминальный контингент и просуществовать достаточно долго.

Последней причиной является существование еще в период 1920—1921 гг. уголовных элементов в отрядах повстанцев, развитие их после 1922 г. и завоевание ими бандитской ниши. Отряд Прокопьева (Иркутский уезд) еще в 1922 г. действовал в большинстве случаев уголовными методами. Но идейное руководство Д. П. Донского (Балаганский уезд Иркутской губернии), все же, сглаживало такие противоречия. Существование уголовных преступников во время гражданской войны является естественным в период социальных потрясений. Но при этом важно учитывать, что собственно уголовные банды существовали параллельно с повстанческими, но не были идентичными. Доказательством этого служат делопроизводственные документы, в которых наряду с «бандами» политическим упоминаются и чисто уголовные.

В 1926 г. отставание сельского хозяйства в Сибири, по сравнению с остальной Россией, было уже преодолено: посевные площади достигли 108,1%, валовой сбор зерновых — 108,4%. Можно сказать, что хозяйство Сибири в 1926 г. было восстановлено. Если в 1913 г. из Сибири (где проживало 6,7% сельского населения) было отправлено 331,7 тыс. т зерновых, в 1925—1926 гг. — 596, 9 тыс., 1926—1927 гг. — 891, 9 тыс. т (60—70% всего заготовленного в Сибири зерна). В середине 20-х гг. Сибирь поставляла 90% масла и более половины заготовленного в России мяса [11].

При этом крестьянское сопротивление давало о себе знать, причем в разных активных формах. В селе Анга Верхотурского уезда в 1925 г. на собрании по выборам в сельсовет была принята резолюция о непризнании уездных органов Советской власти. Советская историография трактовала данный факт как «подкуп» и угрозы кулачества, которому удалось провести в состав сельсовета своих сторонников [12]. В действительности данный

ст показывает наличие гражданской позиции и самозащиты сибирских крестьян, которые все еще стремились реализовать демократические принципы управления. В Сибири широкое распространение получила идея особого крестьянского союза в качестве противоядия коммунистической партии. В 1925 г. в стане зафиксировано 543 требования создать «Крестьянский союз», в 1926—1961 требование, в Сибири — соответственно — 182 требования [13]. Также выдвигались требования о возможности регулирования цен, отмены налога, образования крестьянского профсоюзного объединения. Таким образом, крестьяне Восточной Сибири вели себя не только как в экономическом, так и в политическом плане, предъявляя свои требования власти. Но советская власть не реагировала на подобную активность жесткими мерами подавления крестьянской инициативы. Поэтому естественно, что в это время продолжают существовать стихийные группировки с повстанческим прошлым. В сентябре 1927 г. в Сибири еще оставалась 31 мелкая группа рецидивистов и 14 участников бывших повстанческих отрядов, 42 «деклассированных элемента» [14], а всего крестьяне, несогласные с реформами власти. Протест зажиточных крестьян мог быть вызван тем, что «кулаки» за спекуляцию стали привлекаться к уго-

ловной ответственности, а их товары подлежали конфискации. В результате с июня по декабрь 1926 г. в Сибири было раскрыто 34 кулацких группировки, после чего проведены открытые судебные процессы над кулаками, злостными саботажниками и спекулянтами. В д. Голуметь Черемховского района на бедняцком хозяйстве была разоблачена группа кулаков (7 хозяйств), которые не сдавали хлеб и вели агитацию против хлебозаготовок. Все 7 хозяйств были привлечены к пятикратному обложению [15].

В конце 1920-х гг. стал расти «кулацкий» (крестьянский — авт.) бандитизм: в 1929 г. по сравнению с 1927 г. число банд в деревнях выросло в 4 раза. Во второй половине 1929 г. бандитизм еще более усилился. В 1929 г. насчитывалось 456 случаев возникновения банд (в 1928—1929 гг.) [16]. Эти факты еще больше убеждают в том, что крестьянский протест, кроме пассивного, а также повстанческого движения, может также принимать уголовную форму.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что изучение социального протеста деревни является важным шагом к пониманию роли крестьянства в истории России, становления Советской власти на местах и взаимоотношения с ней крестьян.

Литература:

- Головина, А.А. Формы социального протеста. ИГЛУ, Иркутск. Режим доступа: <http://www.rae.ru/iglu/2011/pdf/1982.pdf>. (Дата обращения: 23.05.2015).
- Шишкин, В. И. Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы. — М., 2000. с. 556.
- Ефремов, И.В. Антибольшевистские крестьянские выступления в Иркутской области и Красноярском крае в 1918—1933 гг. — Иркутск, 2008. с. 40.
- Шишкин, В. И. Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы. — М., 2000. с. 545—547.
- Словарь русского языка. Гл. ред. Евгеньева А. П. Том 3. — М., 1999. с. 162.
- Тамбовское (Антоновское) восстание 1920—1921 г. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lungina/00629f64.htm> (дата обращения 14.10.2014).
- Словарь русского языка. Гл. ред. Евгеньева А. П. Т. 1. с. 60. Так же: Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1999. с. 35.
- Кубасов, А.Л. Термин «бандитизм» в советской политико-правовой лексике 1918—1924 гг. // История государства и права. — № 14—2012. с. 23—26.
- Боженко, Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в Сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.) Томск, 1969 г. Издательство Томского университета. с. 206.
- Там же. с. 11—12.
1. Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917—1937). Глав редколлегия: А. П. Окладников, Л. М. Горюшкин, В. И. Шишкин, М. Е. Плотникова. Новосибирск. 1983 гг. С. 125.
2. Там же. с. 126.
3. Там же. с. 127.
4. Там же. с. 128.
5. Там же. с. 212.
6. Там же.